

В.А. ШУВАЛОВ

САБЛЯ императора

Владлен Шувалов
Сабля императора

«Атанор»

2019

Шувалов В. А.

Сабля императора / В. А. Шувалов — «Атанор», 2019

ISBN 978-5-6041981-1-7

Наверное, далеко не все люди искренне верят в предсказания экстрасенсов, гадалок, прорицателей. Но почти каждый хочет знать свое будущее, те превратности судьбы, которые его ожидают. Если предсказание не сбывается, к этому относятся спокойно, а если вдруг сбудется... Так уж произошло, что неожиданно перехлестнулись судьбы двух совершенно разных людей, двух противников: правителя Европы, великого полководца Франции Наполеона Бонапарта и обычного русского генерала, выполнявшего свой долг перед Отечеством, Государем, народом, сражаясь с французами. К каким последствиям это привело, как изменило ход истории...

ISBN 978-5-6041981-1-7

© Шувалов В. А., 2019

© Атанор, 2019

Содержание

Предисловие	6
Четыре предсказания «черной» Марии	8
Последний талисман	32
Крушение империи	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

В. А. Шувалов

Сабля императора

*История – это не то, что было когда-то.
И даже не то, что осталось от прошлого.
История – это то, что нам рассказали.*

* * *

© Шувалов В. А., 2019

© Верстка. ИП Бастракова Т. В., 2019

Предисловие

Хмурым холодным утром 15 декабря 1840 года под монотонный звон церковных колоколов фрегат «**Бель пуль**» в сопровождении корвета «**Фаворит**» пришвартовался у набережной Сены.

Народ толпами валил к пристани. Казалось, вся столица устремилась на встречу с тем, кто сделал ее великой.

Залп орудий корвета был сигналом к началу торжественной церемонии. С фрегата подняли саркофаг и под пушечный салют перенесли в храм, где гроб поставили на помост, поддерживаемый кариатидами.

Императорский катафалк прошел по всем главным улицам Парижа, миновав Триумфальную арку, Елисейские Поля, площадь Согласия и остановился у Дома Инвалидов.

Во время всей процессии гвардейский оркестр исполнял траурные мелодии; вели боевого коня императора под седлом и упряжью, которые служили Наполеону в его бытность первым консулом; конный отряд из офицеров сопровождал карету, запряженную четверкой лошадей; около ста всадников несли флаги французских департаментов и Алжира.

Четыреста моряков с фрегата шли по обе стороны катафалка, за ними шествовали бывшие адъютанты, служащие Императорского дома, префекты, мэры Парижа и сельских коммун.

Катафалк установили в церкви Дома Инвалидов, в самом центре, под императорским орлом. Галереи и аркады были затянуты черной драпировкой с вышитым серебряными нитями наполеоновским вензелем. Церковь украшало множество гирлянд, лавровых венков, трофеев, щитов, скрещенных шпаг и знамен, одно из которых привезли со Святой Елены.

Место под куполом, где стоял катафалк, превратилось в часовню для отпевания. Тысячи восковых свечей заливали неф сияющим светом. Величие церемонии подчеркивал «Реквием» Моцарта, исполненный во время службы.

В два часа пополудни пушки Дома Инвалидов провозгласили, что кортеж подошел к парадному входу.

Архиепископ Парижа и его свита вышли навстречу и встали перед портиком. Апофеозом всей церемонии стал момент, когда ветеран битвы при Ваграме произнес: «**Император!**»

Вперед вышел король, за ним следовали принцы. От имени Франции тело императора принял принц **де Жуенвиль** и возложил его шпагу на гроб.

Париж снова принял своего правителя, признав подвиги героя национальной святыней. Наверное, каждый из присутствующих на этой церемонии подумал о странном совпадении: 15 октября 1815 г. плененный Наполеон прибыл на Святую Елену, где шесть лет продолжалась его ссылка, а вместе с ней и медленная агония.

И вот ровно через 25 лет – 15 октября 1840 г., – его прах покинул остров и возвращается в Париж.

Но Бонапарт снова превзошел своих недругов. Он возвращается на родину с триумфом, как это было уже после Эльбы.

Недоброжелатели утверждали, что, диктуя в ссылке «Мемориал Святой Елены», Наполеон сам создавал свою легенду.

Такое утверждение ложно. Его легенда рождалась в Тулоне в 1793 г., укрепилась в Италии и Египте, достигла апофеоза во времена Консульства и Империи.

Он оставил после себя не только новую Европу, которая после него уже не будет прежней. Наполеон Бонапарт дал последующим поколениям повод для самых простых и в то же время самых высоких размышлений о мужестве, о доблести и о величайшей на земле славе.

Только за всем этим высоким стало забываться, что Наполеон Бонапарт был не только императором, великим правителем и военным гением, не только идолом, которому поклонялись и еще долго будут поклоняться.

Наполеон Бонапарт был просто человеком с его неуживчивым и вспыльчивым характером, с его гордыней, сомнениями и переживаниями. Он был человеком со всеми человеческими слабостями.

Четыре предсказания «черной» Марии

Наполеон стоял, широко расставив ноги на палубе фрегата «**Ла-Коррьер**», и разглядывал в подзорную трубу быстро приближавшийся берег гавани Фрежюса.

Уже начали различаться очертания собора Святого Леонтия и строения порта, заложенного еще Юлием Цезарем. Скоро, очень скоро Наполеон снова ступит на землю Франции.

Возвращение Наполеона во Францию после Египетского похода.

Египетский поход остался для Наполеона в прошлом, хотя в далеком Египте еще продолжали гибнуть его солдаты в неравных битвах с мамлюками.

Собственно, и Египетский поход, и его последствия для Наполеона ничего не значили. Это была авантюра им задуманная и им же осуществленная.

После блестящих успехов Итальянской кампании, которые сделали его любимцем армии, дьявольское самолюбие молодого генерала толкало его к вершине власти. Он хотел быть не просто генералом Директории, он хотел быть правителем Франции, кумиром французов.

Ему легко было убедить погрязшего в разврате и роскоши директора Директории Поля Барраса, что военный поход на Египет даст Франции огромное количество преимуществ: приобретение новых, достаточно богатых территорий, ослабление Англии, с которой Франция продолжала вести войну и Турции, которая представляла значительную опасность на Средиземном море.

Слабеющая и теряющая авторитет в народе Директория легко согласилась с доводами Наполеона, о необходимости иметь колонию на Красном море, откуда кратчайшим путём можно достигнуть Индии.

Правительство Директории, опасавшееся популярности Бонапарта решило, кстати, избавиться от его присутствия в Париже и отдало в его распоряжение Итальянскую армию и флот.

Египетская кампания началась успешно.

Наполеону удалось ввести в заблуждение Англию, распространив слухи о готовящемся нападении французов на Ирландию.

Поэтому английский флот был занят блокадой Гибралтара и северных французских портов, оставив французам открытый путь через Средиземное море к Египту.

В мае 1798 года французский флот вышел из Тулона и направился к берегам Мальты. Экспедиционная армия Наполеона насчитывала 24 тысячи пехоты и 4 тысячи кавалеристов.

Кроме командующих дивизиями опытных военачальников генералов Клебера, Дезе, Ренье, Мену и Бона, Наполеона сопровождали его преданные единомышленники Ланн, Мюрат, Даву и пасынок Наполеона Эжен де Богарне.

Правительство Великобритании, не зная подлинных замыслов французов, решило разбить французский флот на выходе из Средиземного моря. Усиленная эскадра адмирала Нельсона из 12 линейных кораблей и десятка фрегатов двинулась к берегам Испании. Но след французского флота был потерян.

9 июня Египетская экспедиция подошла к Мальте.

Этот остров считался неприступным; он господствовал над Средиземным морем, и обладание им имело первенствующее значение в деле обеспечения успеха экспедиции.

Остров составлял владение Мальтийского Ордена, опорным пунктом была крепость **Лавалетта**.

Основанный некогда для борьбы с алжирскими пиратами и мусульманским флотом в целом, Орден переживал период упадка.

Рыцари поддерживали дружественные отношения с врагами Франции Англией и Россией, английский флот иногда использовал Мальту как временную базу для своих действий.

Французской эскадре было отказано во входе в гавань для заправки пресной водой; этим воспользовался Бонапарт, как предлогом для нападения на Мальту, и 12 июня она оказалась в его власти, благодаря внезапности нападения и неуверенности гроссмейстера ордена в приходе на выручку англичан.

18 июня Египетская экспедиция тронулась с попутным ветром в Египет, оставив на Мальте 3053 человека пехоты и 5 рот артиллерии под командованием генерала **Вабуа**.

Между тем, Нельсон, не найдя следов французов у Гибралтарского пролива и теряясь в догадках о назначении французской экспедиции, возвратился к берегам Италии и тщетно обыскивал итальянское побережье.

17 июня он подошёл к Неаполю, и английский посланник Гамильтон дал ему мысль, что французы могли направиться к Мальте. 20 июня адмирал Нельсон прошёл Мессинский пролив, где узнал о занятии французами Мальты.

21 июня он находился всего в 22 милях от французов, но не знал об этом и шёл на юго-запад; малейшая случайность могла привести к встрече противников; Наполеон был очень встревожен, он знал, что Нельсон будет гнаться за ним, пока не настигнет.

Генерал Бонапарт не признавал никаких правил ведения войны, выработанных столетиями.

Единственное правило, которому он следовал: обмануть противника, ввести его в заблуждение и, воспользовавшись растерянностью, нанести удар, не считаясь с потерями.

Но в данном случае это правило не работало. Французский флот, связанный тихоходными транспортом с войсками, двигался очень медленно, под воздействием переменчивого ветра постоянно меняя галс.

22 июня от коммерческого судна, встретившего накануне французов, Нельсон узнал, что они идут на восток с попутным ветром. Это утвердило его в мысли, что французы направляются в Египет и он принял немедленное решение их преследовать, для чего поставил все возможные паруса.

Судьба Египетской экспедиции висела на волоске, но счастье опять пришло Бонапарту на помощь.

Не задерживаемый транспортом, Нельсон продвигался быстрее французов.

Он взял курс прямо на Александрию и, в результате, обогнал Египетскую экспедицию и, хотя в продолжение целых суток был на расстоянии только 26 миль от неё, однако, так и не увидел.

28 июня английский флот подошёл к Александрии, но рейд оказался пуст, и никто ничего не знал о французах, которых здесь и не ждали.

Ему представилось, что именно теперь французы ведут операцию по занятию Сицилии, порученной его охране.

Не отдыхая ни минуты, английский адмирал решил возвратиться, а французская эскадра продолжала двигаться к цели.

30 июня показались берега Египта. Наконец-то генерал Бонапарт оказался в своей стихии.

В ночь на 2 июля французы начали высадку, и в тот же день Александрия, атакованная дивизиями Клебера, Бона и Мену, была занята после незначительного сопротивления.

Не задерживаясь в Александрии, Бонапарт двинулся к Каиру. В Александрии, укрепления которой были усилены, был оставлен гарнизон под командованием Клебера из 10 тысяч человек.

Одновременно из Каира навстречу французам выступили османский губернатор Египта Мурат-бей с 3 тысячами мамлюков и 2 тысячами янычар и главнокомандующий армией Египта Ибрагим-бей.

21 июля около Гизских пирамид, вблизи Каира, французская армия снова встретилась с противником. Войска Мурата и Ибрагима занимали позицию правым флангом примыкавшую к Нилу, а левым – к пирамидам. Общая численность их войск составляла около 50 тысяч. Французских – чуть больше 15-ти.

Поход Наполеона на Каир

На правом берегу реки собралось все население Каира наблюдать поражение неверных. Бонапарт, объезжая войска, обратился к ним с исторической фразой: **«Солдаты, сорок веков величия смотрят на вас с высоты этих пирамид».**

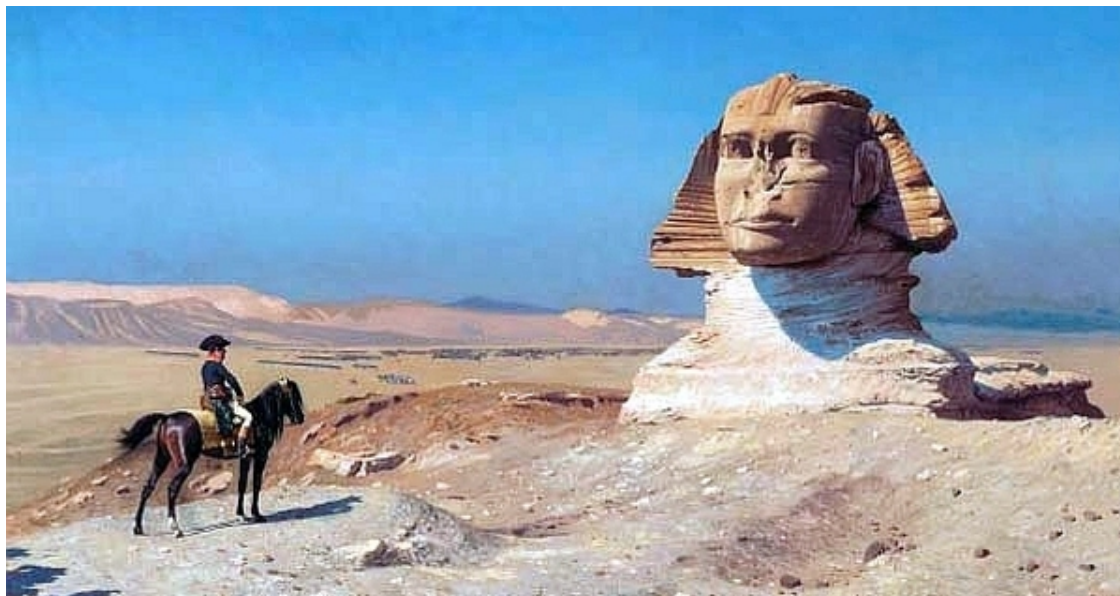
В 2 часа утра французская армия, атаковала противника.

Мамлюки потерпели полное поражение.

Раненый Мурат-бей только с 2 тысячами мамлюков бежал в Верхний Египет, а Ибрагим с 1200 человек через Каир направился в Сирию.

Он ожидал помощи от турецкого султана, но султан, до которого уже дошли слухи о выдающейся победе французской армии, предпочел не торопиться.

В битве у пирамид египтяне потеряли 10000 человек, французы всего 300. Объезжая поле сражения, Наполеон сказал сопровождавшему его Мюрату: – *Один мамлюк может убить десять французов, но сто французов убьют тысячу мамлюков, потому что французы – солдаты.*

Два Титана. Наполеон у египетского сфинкса.

Окрыленный успехом, Бонапарт принял решение двигаться дальше в Сирию. Но по дороге им было получено известие об уничтожении 1 августа на Абукирском рейде французского флота.

Нельсон, получив 24 июня достоверные сведения о назначении французской эскадры, поспешил вторично к Александрии и на открытом рейде под Абукирским берегом нанес ей поражение.

Это поражение, лишив французскую Египетскую армию связи с Францией, предоставило её собственным силам. Колебавшаяся до этого времени Турция объявила 1 сентября Франции войну.

Положение французской армии заметно ухудшилось. Нет, она, конечно, могла успешно сражаться с многочисленными отрядами мамлюков и янычар, жестко подавлять возникающие в разных местах восстания местного населения, но она уже не могла на долгое время удерживать захваченные территории, а тем более создавать органы государственного управления.

В Европе же, в это время Франция терпела неудачи (в Италии и на Рейне), а внутри неё царили несогласие и упадок духа. Вследствие известий об этом и сознания невозможности, благодаря потере флота, при настоящих силах армии удержать за собой Египет, Бонапарт решил возвратиться во Францию.

Ночью, осторожно минуя немногочисленные турецкие корабли, французские фрегаты «**Ла-Коррьер**» и «**Мюрион**» вышли из гавани Александрии и направились к берегам Франции. На борту были Наполеон Бонапарт и его ближайшее окружение: генералы Бертье, Ланн, Андреоси, Мюрат, Мармон, Дюрок и Бессьер.

Командование над войсками и управление Египтом было возложено на Клебера.

В это время в Сирии уже была организована турецкая армия (до 80 тысяч) великого визира, и генерал Клебер ясно сознавал, что со своими слабыми силами без хороших помощ-

ников, он не будет в состоянии долго держаться в Египте. Послав об этом донесение Директории, он вступил с великим визирем в переговоры об оставлении Египта.

Конец Египетского похода

Все это теперь осталось в прошлом. Острый, склонный к авантюрам ум подсказывал Бонапарту, что вершина его славы не в Египте, а здесь, в Париже.

Власть в Республике шаталась, Директория утратила всякое доверие среди населения.

Бонапарт понял, что идея переворота уже давно витает в воздухе, в претендентах тоже недостатка не было.

Самый авторитетный из членов Директории аббат Эммануэль-Жозеф Сийес открыто высказывался о необходимости замены Конституции III года.

Но всё же более популярного, чем Бонапарт, в то время во Франции человека не было.

Подавляющему большинству французов он вовсе не представлялся полководцем, потерпевшим неудачу в Египте.

Напротив, он был в их глазах генералом, которому сопутствовала лишь победа, и который к своей прежней славе освободителя Италии, добавил новую славу – освободителя Египта.

Тайно встретившись с Сийесом и выслушав его, Наполеон сказал: – *Ваши мысли замечательны, но для их реализации не хватает одного – военной силы.*

Соглашение было достигнуто.

Аббат Сийес Эммануэль-Жозеф

Сийес распространил слух об опасном якобинском заговоре и потребовал созвать заседание Совета Старейшин, на котором было принято решение перенести заседания из Парижа в Сен-Клу и возложить на генерала Бонапарта обеспечение безопасности, подчинив ему местную 17-ю дивизию.

В это же время три члена Директории: Сийес, Дюко и Баррас подали в отставку, остальные два директора, Гойе и Мулен были взяты под стражу.

18 брюмера (9 ноября) старейшины были созваны в 7 часов утра.

Генерал Бонапарт вошел в зал заседания и объявил, что Директория самораспустилась и нужно срочно выбрать новое правительство.

Под давлением сторонников переворота было принято решение образовать новое временное правительство в составе трех консулов. Первым консулом назначался генерал Наполеон Бонапарт. В его руках сосредотачивалась вся власть в Республике.

Совет «пятисот» – вторая палата это решение законным не признала. Депутаты собрались отдельно и решили противодействовать.

У Бонапарта остался последний аргумент: в зал заседаний вошел генерал Мюрат с отрядом гренадеров.

«Вышвырните-ка мне всю эту публику вон!» – скомандовал он солдатам.

Конец французской революции.

Переворот закончился тихо, без каких-то особых последствий. Авторитет генерала Бонапарта, его слава национального героя, были гарантией спокойствия французов.

Генерал Наполеон Бонапарт – первый консул Франции.

Уже через две недели к первому консулу прибыла делегация старшин Парижа, чтобы выразить ему свою поддержку.

Один из старшин, возглавлявший делегацию, почтительно поклонившись, преподнес Наполеону саблю:

– Гражданин Первый Консул, разрешите вручить Вам эту саблю в знак глубокой благодарности за Ваше служение народу Франции. Да пребудет с Вами Бог.

Наполеон бережно взял протянутое ему оружие.

Это была, поистине, замечательная сабля: ножны были украшены золотыми накладками с затейливым узором, рукоять – перламутровая, обвитая крученой золотой проволокой, увенчанная головой льва с подвижным золотым кольцом в пасти.

Наполеон осторожно вытянул из ножен клинок. На матово блестящей поверхности была золотыми буквами выбита надпись: «*Н. Бонапарт. Первый консул республики французов*».

Сабля великого французского оружейника Николя Бутэ.

Это была работа выдающегося французского оружейника **Николя Бутэ**. Его имя также было известно во Франции, как в Италии имя Страдивари – создателя волшебных скрипок.

Каждое созданное им оружие было произведением искусства. Применять его на поле боя было равносильно тому, что колоть орехи хрустальной вазой.

Наполеон прикоснулся губами к холодной стали клинка.

– *Я тронут вашим даром*, – сказал он дрогнувшим голосом: – *Все, что я делал, делаю и буду делать, будет во благо Франции*.

После ухода делегации Наполеон снова взял в руки саблю.

Какое-то смутное беспокойство было у него на душе. Что означает этот дар: величие, могущество или война?

Все приближенные к Бонапарту знали, что он часто прибегал к услугам гадалок, верил в предсказания и никогда не стыдился говорить об этом.

Выросший на Корсике, он, как и все жители этого острова, был суеверен, верил как в судьбу, так и в сглаз и, конечно, в то, что всякую порчу можно снять и привлечь любую удачу.

Но основное, Наполеон верил в свое великое будущее.

Первый Консул вызвал своего личного телохранителя Рустама и приказал привести к нему Марию Ленорман.

Мамлюка Рустама генералу Бонапарту подарил шейх Каира **Эль-Векри** и с тех пор тот с фантастической преданностью служил своему господину.

Он сопровождал его повсюду, спал перед дверью в его комнату на походной кровати, прислуживал при трапезах и туалетах.

Облаченный в великолепные восточные костюмы, он придавал экзотический колорит окружению Бонапарта.

Бонапарт, в свою очередь, полностью доверял своему телохранителю.

В данном случае, встреча с Марией Ленорман должна была носить частный характер.

С гадалкой Наполеон уже встречался однажды. Эта встреча оставила у него тревожное ощущение, но суеверие было выше тревог.

Перекошенные плечи, хромота и странный, пронизывающий взгляд – такова была знаменитая в Париже гадалка **Мария-Анна Аделаида Ленорман**.

Говорили, что когда она появилась на свет с зубами и длинными черными волосами, то поразила уродством даже собственную мать.

Ее внешний вид вызывал брезгливость и ужас, тем не менее, самые знатные люди Франции стремились к встрече с ней, чтобы узнать свое будущее. Говорили, что все ее предсказания сбываются, а после сбывшихся предсказаний Марату, Робеспьеру и Сен-Жюсту, Ленорман стали называть Чёрной Марией.

Наполеон хорошо помнил все подробности встречи с Марией одиннадцать лет назад. Тогда молодой артиллерийский капитан Бонапарт находился на краю нищеты. Чтобы помочь матери, ему приходилось отправлять ей часть своего жалованья. Жил чрезвычайно бедно, питался один раз в день, однако старался не показывать своего удручающего материального положения.

В том же году Наполеон предпринял попытку записаться на хорошо оплачиваемую офицерскую службу в Русскую императорскую армию, набиравшую иностранных добровольцев для войны с Османской империей. Однако, Наполеон не учел, что русская императрица ненавидела французских «карбонариев».

Набор иностранцев производился по поступившему накануне «высочайшему повелению» лишь понижением чина, чего корсиканская гордость Наполеона допустить не могла. А ведь, если бы Наполеон поторопился подать прошение всего на месяц раньше, то ведь мог бы стать русским генералом и, скорее всего, история всей Европы, да и мира, сложилась бы совсем иначе.

В отчаянии он пришел к гадалке инкогнито, закрывшись глухим плащом, который взял у своего конюха. Но разве Ленорман проведешь?

Она сразу определила, что он из знатной, хоть и небогатой семьи. Что родился на острове. Что в данный момент – военный. Мария Ленорман властно взяла молодого человека за руку:

– Я скажу вам по руке. Вы займете один за другим 6 самых влиятельных постов. Седьмым будет тот, выше которого не бывает.

Лицо молодого человека пошло пятнами:

– Я всегда это подозревал! Фортуна будет ко мне благосклонна!

Гадалка задумчиво посмотрела в лицо Наполеона:

– Скажу больше: вы взлетите благодаря влиянию на вас некоей особы, которая предназначена именно для вас самой фортуной. Она не самая благонравная и принесет вам много душевных мук. Но бойтесь оказаться неблагодарным! Вы будете на седьмом троне только до тех пор, пока не забудете, что спутница вашей жизни послана вам судьбой. Если вы покинете ее, фортуна покинет вас!

Молодой человек фыркнул:

– Но у меня нет спутницы жизни! И вряд ли я, военный, встречу ее в будущем.

Гадалка подняла на него свои пронизательные очи: *«Вы уже встретили ее, ваше величество! Только что. Это та самая брюнетка с небольшой родинкой, которая прошла мимо вас, пока вы ждали в моей приемной!»*

В мае 1793 года против Конвента восстал Тулон, где собрались роялисты, поддерживаемые англичанами. Осада Тулона республиканской армией к успеху не привела, так как с моря через порт, защищенный английской эскадрой, восставшие получали необходимое вооружение и продовольствие.

Назначенный начальником артиллерии капитан Бонапарт предложил не осаждать город, а блокировать английские корабли на подходе к порту.

Массированным огнем с берега французские орудия в течение нескольких дней наносили кораблям серьезный урон.

Более половины кораблей были повреждены.

Английский генерал Худ, отдал приказ вывести эскадру в море, оставив город без поддержки.

Восставшие сдались. Тулон был разграблен и разрушен.

Здесь, в Тулоне, Бонапарт встретился с членом Директории Баррасом, который так был восхищен молодым офицером, что отправил в Париж требование о присвоении ему сразу звания бригадного генерала:

«У меня нет слов, чтобы описать заслуги Бонапарта: много технических познаний, столько же ума и слишком много отваги и это лишь скудный набросок этого необыкновенного офицера».

Так, перескочив через все предыдущие ступени, благодаря протекции Барраса, Бонапарт стал генералом. Но Баррас не оставил своими заботами молодого генерала, фактически сделав его своим протеже.

Первое предсказание гадалки начало сбываться.

Будучи активным сторонником революции, пропитанный ее духом, Наполеон был невысокого мнения о своем покровителе, но аналитический ум подсказывал ему, что преданное отношение к Баррасу – единственный правильный путь в его карьере.

Следующим шагом для Наполеона стало **13 вандемьера IV года** (5 октября 1795 года), когда роялисты в Париже устроили мятеж, и Баррасу, вновь назначенному командующим вооруженными силами Парижа, было поручено его подавить.

Для этого он привлек ряд знакомых генералов, в том числе Брюна и Бонапарта.

Бонапарт снова отличился нестандартными действиями: он просто расстрелял восставших из пушек картечью.

После успешного завершения этих событий Наполеон стал дивизионным генералом и командующим военными силами тыла.

Когда в соответствии с Конституцией III года Республики 27 октября 1795 года правительством Франции стала Директория, Баррас вошел в её состав, став её фактическим главой.

Наполеона он сделал своим адъютантом, а впоследствии добился в Конвенте его назначения своим заместителем.

Поль Баррас, человек без каких-либо нравственных устоев сыграл значительную роль в биографии будущего правителя Европы.

Он прославился чрезвычайным цинизмом, алчностью, неразборчивостью в средствах при приобретении богатств и демонстративной роскошью образа жизни.

Один из его коллег, Карно, характеризовал его как «покровителя порочной знати и хвастунов», другой, член Директории Ларевельер-Лепо, называл человеком *«без веры и нравственности, обладающим всеми вкусами пышного, щедрого, великолепного и расточительного князя».*

Нимало не стесняясь революционной ситуации Поль Баррас окружил себя самыми высокопоставленными куртизанками Парижа. Одной из них была Тереза Кабаррюс, жена его соратника по Термидорианскому перевороту Тальена. Она практически играла роль его супруги и устраивала приемы.

От другой любовницы, вдовы казненного Конвентом генерала Богарне – Жозефины, обладающей непомерными претензиями, он отделался, выдав ее замуж и тем самым способствовал ее восхождению на престол императрицы Франции.

В один из ноябрьских вечеров 1795 года генерал Бонапарт был приглашен на ужин к директору Директории Полю Баррасу, где был представлен молодой и красивой женщине.

– Генерал Бонапарт, – элегантно склонив голову, произнес Наполеон.

– Мари Роз... Богарне, если вам что-то говорит это имя, – с улыбкой ответила женщина. – Я знаю о вас все, генерал.

– Неужели, Поль Баррас постарался?

– Нет, Черная Мария.

Наполеон всмотрелся в красивое улыбчивое лицо с маленькой родинкой на щеке и вспомнил свою встречу с гадалкой.

Это было ее второе предсказание.

Вспомнила эту встречу и его собеседница.

Это было в начале прошлого года...

Две гибкие фигурки скользнули по улице де Турнон и вошли в салон, робко оглядываясь. Им довелось переодеться в платья своих горничных, чтобы попасть сюда незамеченными, потому как этих красавиц знал весь Париж.

Одна – Тереза Тальен, любовница всемогущего деятеля революции Барраса. Вторая – Жозефина Богарне, недавно овдовевшая, – ее муж был казнен на гильотине во время террора 1794 г.

У нее осталось двое детей: 14-летний Эжен и 12-летняя Гортензия де Богарне. Впрочем, Жозефина не слишком переживала из-за смерти мужа, брак был сословным, и супруга она мало любила. Вот и теперь она, не потеряв вкуса к жизни, желала знать будущее.

Первой в кабинет к прорицательнице решила войти Тереза Тальен. Она увидела молодую, но уже сильно располневшую женщину, которая с трудом смогла подняться при ее появлении. Оказалось, гадалка довольно низкая ростом и кособока. Но ум у нее был острый.

«Не думайте, что я не разглядела за платьем горничной ее хозяйки!» – улыбаясь, сказала она. – *«Присядьте, ваша светлость, я раскину на вас карты»*. Тереза также улыбнулась в ответ: *«Не стоит величать меня столь громко. Я не княгиня и даже не графиня»*. Однако улыбка Ленорман стала еще загадочней: *«Вы станете и той и другой!»*

Спустя немного времени Тереза выбежала в прихожую и радостно сообщила подруге: *«Я выйду замуж за князя!»* Жозефина недоверчиво поджала губы. Что за чушь?! Во-первых, выйти за князя во время революции – все равно, что самой себе подписать смертный приговор.

Во-вторых, ни один почтенный князь не женится на Терезе, потому как все знают, что она состояла в любовных связях чуть не со всеми парижскими депутатами. Даже нынешний любовник Баррас не сильно уважает ее, и, ходят слухи, поколачивает.

Однако вслух Жозефина лишь дипломатично заметила (нельзя же терять влиятельную подругу!):

«Если так, то я стану женой восточного паши! Разве не понимаешь, Тереза, это же явная глупость. Пойдем отсюда!»

Но голос гадалки, вышедшей в прихожую, остановил Жозефину: *«Не торопитесь, мадам, когда вы выслушаете меня, вам не в чем будет завидовать подруге!»*

Как в тумане, Жозефина вошла за Ленорман в кабинет, села в кресло и заворуженно уставилась на толстые пальцы прорицательницы, ловко раскладывающие карты.

«Вы выйдете замуж еще удачней, мадам!» – загадочно улыбнулась гадалка. – *«Не пройдет и года, как вы сочитаетесь браком. И каким! Вы, мадам, станете императрицей Франции!»*

Жозефина вспыхнула и вскочила. Да эта гадалка – сумасшедшая! Стать императрицей, чтобы сложить голову под ножом революционной гильотины?! Это кому же в голову может прийти сказать нынче такое?! Скорей отсюда! И Жозефина кинулась к двери.

«Обратите внимание на молодого человека, который только что вошел в приемную!» – крикнула ей вслед Ленорман. – *«Его зовут Наполеон Бонапарт»*.

9 марта 1796 года был заключен брак между Наполеоном Бонапартом и Мари Роз Жозефой Таше де ла Пажери, которую Наполеон ласково называл Жозефиной.

Свидетелями на свадьбе были Баррас, адъютант Наполеона Лемаруа, муж и жена Тальен и дети невесты – Эжен и Гортензия.

Жених опоздал на свадьбу на два часа, будучи очень занят новым назначением. Свадебным подарком Барраса молодому генералу была должность командующего Итальянской армией республики, на которую Наполеон Бонапарт был назначен 2 марта.

Родственники Наполеона на свадьбе не присутствовали.

Они прохладно отнеслись к его браку и за глаза называли Жозефину «старухой» из-за шестилетней разницы в возрасте.

Против Франции продолжала войну коалиция, в состав которой входили Австрия, Англия, Россия, Сардинское королевство, Королевство обеих Сицилий и несколько германских государств.

Директория (тогдашнее французское правительство), как и вся Европа, считала, что главный фронт в 1796 году пройдет в западной и юго-западной Германии.

В Германию французы должны были вторгнуться через австрийские земли. Для этого похода были собраны лучшие французские части и генералы во главе с Моро. Средств и ресурсов для этой армии не жалели.

Планом вторжения в Северную Италию через юг Франции Директория не особо интересовалась. Итальянский фронт считался второстепенным. Учитывалось, что на этом направлении будет полезно провести демонстрацию, чтобы заставить Вену раздробить свои силы, не более того.

Молодой генерал Бонапарт, напротив, грезил Итальянским походом. Еще, будучи начальником гарнизона Парижа, он вместе с членом Директории **Лазаром Карно** подготовил план похода в Италию.

Бонапарт был сторонником наступательной войны и убеждал сановников в необходимости предупредить противника, чтобы разрушить антифранцузский союз.

Наконец, после долгих споров было принято решение направить южную армию, которую возглавил Наполеон, против австрийцев и сардинского короля.

Мечта молодого генерала сбылась, Бонапарт получил свой звёздный шанс, и он его не упустил.

11 марта, через два дня после свадьбы Наполеон выехал в войска и 27 марта он прибыл в Ниццу, в которой была главная ставка Итальянской армии.

Положение дел ужаснуло молодого командующего: в армии формально числилось 106 тыс. солдат, но в реальности было 38 тыс. человек.

Кроме того, из них 8 тыс. составляли гарнизон Ниццы и приморской зоны, эти войска нельзя было вести в наступление.

В результате, в Италию можно было взять не более 25–30 тыс. солдат. Остальные в армии были «мёртвыми душами» – умерли, болели, попали в плен или разбежались. В частности, в южной армии официально числились две кавалерийские дивизии, но в них обеих было всего 2,5 тыс. сабель. Да и оставшиеся войска были похожи не на армию, а на толпу оборванцев.

Именно в этот период французское интендантское ведомство дошло до крайней степени хищничества и воровства.

Армия и так считалась второстепенной, поэтому её снабжали по остаточному принципу, но и то, что отпускалось, быстро и нагло разворовывали.

Некоторые части были на грани бунта из-за нищеты. Так, Бонапарт только приехал, как ему донесли, что один батальон отказался выполнить приказ о передислокации, так как ни у кого из солдат нет сапог.

Развал в области материального снабжения сопровождался повальным падением дисциплины. В армии не хватало амуниции, боеприпасов, провианта, деньги давно не платили. Артиллерийский парк насчитывал всего 30 орудий.

Наполеону предстояло решить труднейшую задачу: накормить, одеть, привести в порядок войско и сделать это в процессе похода, так как медлить он не собирался. Положение могло осложниться и трениями с другими генералами. **Ожеро** и **Массена**, как и другие, охотно подчинились бы старшему, или более заслуженному командующему, а не 27-летнему генералу. В их глазах он был лишь способным артиллеристом, командиром, хорошо служившим под Тулоном и отметившимся расстрелом бунтовщиков.

Ему даже дали несколько обидных прозвищ, вроде «**замухрышка**», «**генерал-ванде-мьер**» и пр. Однако Бонапарт смог так себя поставить, что вскоре сломил волю всех независимо от ранга и звания.

Бонапарт немедленно и жестко начал борьбу с воровством.

Его первое донесение в Директорию было кратким и пугающим: «*Принял командование. Армия развалена. Приходится часто расстреливать. Сначала среднее звено командиров, но дойдет черед и до генералов*».

Но гораздо больший эффект принесли не расстрелы, а стремление Бонапарта навести порядок. Солдаты это сразу заметили, и дисциплина была восстановлена. Решил он и проблему со снабжением армии.

Генерал с самого начала считал, что война должна сама себя кормить. Поэтому необходимо заинтересовать солдата в кампании.

Экипировка ещё не была закончена, когда он, не желая упускать время, обратился к солдатам с воззванием, указав в нём, что армия войдёт в плодородную Италию, где не будет недостатка в материальных благах для них:

«Солдаты, вы не одеты, вы плохо накормлены... Я хочу повести вас в самые плодородные страны на свете».

Наполеон смог объяснить солдатам, а он умел создавать и поддерживать своё личное обаяние и власть над душой солдата, что от них самих зависит их обеспечение в этой войне.

5 апреля 1796 года Наполеон двинул войска через Альпы.

Его план заключался в том, чтобы разгромить противостоящие ему силы по отдельности: сначала нанести поражение пьемонтской армии, затем австрийской.

Противник был значительно сильнее – австро-сардинские силы насчитывали 80 тыс. человек при 200 пушках. Ими командовал престарелый фельдмаршал **Болье**.

Для того, чтобы одержать победу, нужно было превзойти врага в быстроте и маневренности, перехватить стратегическую инициативу в свои руки. Наполеон не был в этой сфере первопроходцем, таким же образом действовал Суворов.

С самого начала Наполеон проявил дерзкую смелость и умение идти на риск. Армия пошла самым коротким, но и самым опасным путём – по прибрежной кромке Альп. Здесь армия подвергалась опасности попасть под удар британского флота.

Риск оправдал себя, поход по «Карнизу» 5–9 апреля 1796 года прошёл благополучно. Французы успешно вошли в Италию.

Австро-пьемонтское командование и мысли не допускало, что противник решится на такой риск.

Для того, чтобы победить, Наполеону надо было действовать максимально быстро. Необходимо было захватить Турин и Милан, принудить Сардинию к капитуляции. Богатая Ломбардия могла дать ресурсы для дальнейшей кампании.

В ночь на 12 апреля Наполеон перебросил через Кадибонский перевал дивизии Массены и Ожеро. Рано утром 12 апреля французы ударили по австрийцам: генерал Лагарп возглавил фронтальное наступление на позиции противника, а генерал Массена ударил по правому флангу.

Когда австрийцы поняли всю опасность ситуации, было уже поздно. Австрийские войска потерпели полное поражение: около 1 тыс. человек было убито и ранено, 2 тыс. попали в плен. Было захвачено 5 пушек и 4 знамени. Потери французской армии – 500 человек убитыми и ранеными.

Это была первая победа Наполеона во время Итальянского похода, которая задала тон всей кампании, имела огромное психологическое значение для французской армии; полугодные, разутые французские солдаты поверили в свои силы, разбив сильного противника. Боле стал отводить свои войска и французский главнокомандующий смог ударить по сардинским войскам.

Наполеон, дав войскам короткий отдых, повел их дальше и уже через два дня в сражении при **Миллезимо** (14 апреля 1796 г.) разгромил сардинскую армию. Пять сардинских батальонов с 13 пушками сдались в плен, остатки сардинской армии бежали. Не давая противнику прийти в себя, Наполеон продолжил наступление.

В апреле французская армия одержала ещё три победы: бой при **Дего** (15 апреля), сражение при **Сан-Микеле** (19 апреля), сражение при **Мондови** (22 апреля).

После сражения при Мондови и захвата этого города, пьемонтский генерал Колли начал переговоры о мире. 28 апреля перемирие с Сардинском королевством было подписано. 15 мая в Париже был подписан мир с Сардинией.

Сардинцам пришлось принять весьма суровые условия:

Пьемонт обязывался не пропускать через свою территорию ничьих войск, кроме французских, снабжать французов; не заключать ни с кем союзов; уступал Франции графство Ниццу и всю Савойю; граница между Францией и Пьемонтом «исправлялась» в пользу французов.

Первая часть задачи была выполнена – австрийские войска остались в северной Италии без союзника. Армия Наполеона отбросила австрийцев к реке **По**, заставив их отступить к востоку от реки. Французы форсировали **По** и продолжили наступление. Все итальянские дворы охватила тревога, они боялись столь стремительного движения революционной армии.

15 мая французы вошли в Милан. В июне Бонапарт занял Модену, отряд Мюрата захватил Ливорно, а Ожеро занял Болонью. Под удар попало Тосканское герцогство. Бонапарт не обращал на нейтралитет итальянских государств никакого внимания. Он занимал города и деревни, реквизировал всё необходимое для армии. Забирал всё, что считал нужным, начиная от пушек, ружей и боеприпасов, заканчивая картинами мастеров эпохи Возрождения.

Смотрел он снисходительно и на мародерство своих солдат, что приводило к мелким вспышкам недовольства местного населения, но до большого восстания дело не дошло.

Большинство жителей итальянских государств видели в Наполеоне и его армии революционеров, несших идеалы свободы, равенства и братства, освободителей от австрийского владычества.

К тому же Наполеон жестко реагировал на попытки сопротивления, ликвидируя их в зародыше. Когда в Луго (около Феррары) толпа убила 5 французских драгун, город покарали: было изрублено несколько сот человек, поселение отдали солдатам на разграбление.

14-15 января 1797 г. в битве при **Риволи**, Наполеон нанес решающее поражение австрийской армии. На итальянский фронт срочно был вызван эрцгерцог Карл.

Это был один из лучших австрийских полководцев.

В начале весны Наполеон разбил и Карла. В Вене даже началась паника: *«Наполеон у ворот!»* Поражения нескольких армий и лучших полководцев империи, потеря Северной Италии и угроза самой Австрии стали шоком для Венского двора.

Имя Наполеона стало известным всей Европе.

Ещё до разгрома армии Карла, Наполеон покончил с Римом. Римский папа Пий VI смотрел на Наполеона как на исчадие ада и всячески помогал Австрии. После того как пала Мантуя и освободились войска, французский полководец повел армию в карательную экспедицию.

В первом же сражении французы разгромили папскую армию. Наполеон занимал город за городом в Папской области.

Города, монастыри и церкви были подвергнуты беспощадному разграблению.

В Риме началась паника, состоятельные люди и высшее духовенство побежало в Неаполь.

Папа стал умолять о мире. 19 февраля 1797 года в Толентино был подписан мирный договор. Рим утратил значительную и самую богатую часть своих владений, выплатил контрибуцию в 30 млн. франков золотом, отдал лучшие произведения искусства из своих музеев.

В Рим Наполеон не вошёл и не стал смещать папу, чтобы не волновать католическую Италию, ему нужен был спокойный тыл, предстояла битва с армией эрцгерцога Карла. К тому же он уже тогда стал политиком и понимал роль Рима в управлении Европой.

В мае 1797 года Бонапарт самостоятельно, не дожидаясь посланников Директории, заключил перемирие с австрийцами, а 17 октября 1797 года в **Кампо-Формио** был подписан мир между Францией и Австрией.

Директория закрывала глаза на генерала-политика, который столь вольно себя вел.

Австрийцы били Рейнскую армию Франции и самых лучших республиканских генералов, в том числе Моро. На Рейнскую армию уходило всё больше и больше денег, а толку было мало. Наполеон же, приняв толпу оборванцев, превратил её в первоклассную армию, которая громила одну за другой австрийские и итальянские армии.

Наполеон ничего не требовал, наоборот, присылал в Париж миллионы золотом, и миллионы в произведениях искусства и другом награбленном имуществе.

Он принудил могущественную Австрийскую империю просить мира. Ряд блестящих побед, взятие Мантуи, захват папских владений, окончательно сделали авторитет полководца непререкаемым.

В ходе Итальянской кампании во всем блеске проявился полководческий талант Бонапарта, что вызвало настороженность в политических кругах стран Европы, в том числе и России, а великий русский полководец Александр Суворов сказал: «*Далеко шагает, пора унять молодца!*»

Принуждение Великой Австрии к миру было первым триумфом молодого полководца. Франция рукоплескала генералу Бонапарту, в один миг сделав его своим кумиром и героем нации.

Значительно сложнее строились взаимоотношения в его семье.

Из Италии Наполеон отправил супруге множество писем с настойчивыми просьбами приехать к нему, на которые Жозефина, не желавшая менять привычный образ жизни, отвечала сухо и небрежно.

В Париже она продолжала вести светскую и расточительную жизнь, получив после первых новостей о победах генерала Бонапарта прозвище *Notre-Dame des Victoires* (Богоматерь Победы).

Наконец, 27 июня 1796 года, уступая требованиям мужа, Жозефина отправилась в Италию в сопровождении Жозефа Бонапарта, Жюно и Ипполита Шарля, адъютанта генерала Леклерка, с которым у неё была любовная связь. Кроме того, её связывали с Ипполитом и деловые отношения: совместно они принимали участие в финансовых махинациях на поставках в армию.

Больше года Жозефина провела в Италии, живя с Наполеоном во дворцах в Милане и его окрестностях.

2 января 1798 года после заключения **Кампо-Формийского** мира состоялось её возвращение в Париж, по случаю которого министром иностранных дел Талейраном был устроен торжественный приём.

В марте 1798 года информация о недостойных финансовых сделках и предосудительном поведении Жозефины была передана Наполеону. Жозефине удалось унять его гнев, убедив Наполеона в беспочвенности слухов.

Отрицая все обвинения, она предложила развод, если Бонапарт не доверяет ей. Конфликт был улажен. 19 мая она сопровождала Наполеона до Тулона, откуда он отплыл в Египет.

В июле 1798 года, находясь в Египте, Наполеон вновь узнал о неверности своей супруги. На этот раз он не пожелал слушать объяснений и отправил своему брату Жозефу письмо, в котором просил о подготовке развода. Но это послание попало в руки англичан, а последующая переписка была прервана с потерей флота. Узнав о прибытии супруга во Францию, Жозефина отправилась к нему и сумела отговорить его от развода, пожертвовав ради этого своими отношениями с Ипполитом Шарлем.

Бонапарт не только простил Жозефину и отказался от развода, но и оплатил огромные долги, которые она сделала в его отсутствие.

После этого эпизода отношение Бонапарта к Жозефине изменилось, чему отчасти способствовало то обстоятельство, что во время египетской кампании любовницей Наполеона стала двадцатилетняя Маргарита-Полина Бель-Иль, жена одного из младших офицеров французской армии, вскоре прозванная «Клеопатрой Наполеона».

Теперь он, несомненно, всё ещё любя жену, заводил на стороне кратковременные и длительные любовные связи. Также их семейная жизнь продолжала омрачаться размолвками, связанными с новыми долгами Жозефины.

После переворота 18 брюмера мадам Бонапарт стала первой дамой Франции, женой Первого Консула.

Ещё 21 апреля 1799 года Жозефина приобрела в кредит замок Мальмезон постройки XVII века, который был перестроен и меблирован в античном стиле.

При замке был разбит английский парк, сделаны пристройки в неоклассическом духе. Одним из первых шагов нового властителя Франции стало погашение кредита за Мальмезон, где поселилась его семья. Жозефина устраивала в Мальмезоне празднества, пышные приёмы, превратив замок в подобие Версаля, куда она не была допущена в своё время.

Теперь Первый Консул Франции Наполеон Бонапарт снова встретился со знаменитой гадалкой. И снова внутренне содрогнулся под ее пронизывающим взглядом.

Прошло одиннадцать лет. *Предсказания гадалки сбывались.*

Шестым высшим постом стал для него пост Первого Консула. Каким будет седьмой?

Честолюбивые мысли уносили Бонапарта так далеко, что даже он сам их боялся.

– *Что скажешь об этом?* – спросил Бонапарт гадалку, положив на столик перед ней саблю.

Гадалка осторожно провела по ножнам рукой и замерла, как бы прислушиваясь к чему-то.

– *Это замечательное оружие. Стоит оно очень дорого,* – ответила гадалка.

– *Но это не просто сабля. Это талисман, данный вам свыше. Он будет оберегать вас и принесет успех во всех ваших великих делах. Но если вы утратите его, ваша жизнь разрушится, и вы умрете. Тот, кто похитит его, навлечет страшные несчастья на себя и окружающих его людей.*

Тому, кто станет его законным владельцем, он будет служить, как вам.

Великий Николь Бутэ создал это произведение искусства, а бог вложил в него свою силу!

Наполеон снова обратился к всемогущей гадалке.

– *Каково мое будущее?* – спросил Первый консул.

Гадалка, раскинув карты и внимательно посмотрев в глаза Наполеона, ответила:

– Очень скоро вы станете императором. Перед вами будут склонять головы правители многих стран. Но вы должны склонить голову перед короной.

Если вы не сделаете этого, она не удержится на вашей голове больше 10 лет.

Наполеон усмехнулся.

– Уж если я надену корону, то не дам ей упасть! – надменно сказал он.

Мария промолчала. Иногда и пророчице следует проявить благоразумие...

Это было третье предсказание «черной» Марии.

В 1804 году Сенат решал вопрос восстановления во Франции монархии. Тогда Первый консул Наполеон Бонапарт находился на распутье. С одной стороны приверженец революционных идей республики, с другой стороны он всеми силами стремился к неограниченной власти.

Когда Консулат открыл дорогу Империи, бесплодие мадам Бонапарт стало темой салонных разговоров и предметом неподдельного интереса, что угнетало Жозефину, которая и сама понимала, что Наполеону нужен наследник.

Особенно тревожили ее замыслы Наполеона стать монархом и основать во Франции новую правящую династию.

В этом случае становилась реальной угрозой её бездетному браку с Бонапартом.

Жозефина пыталась противодействовать планам мужа вместе с сенатором Жозефом Фуше, но безуспешно.

Фуше был отправлен в отставку, и 2 декабря 1804 года Наполеон провозгласил себя императором Франции и возложил короны на себя и на Жозефину.

За день до этого католическая церковь освятила их брак.

Именно 2 декабря начался отсчет времени, которое напрогочила гадалка. В этот день в парижском соборе **Нотр-Дам** состоялась пышная церемония коронации.

Наполеон с Жозефиной прибыли к собору в вызолоченной карете.

Коронация Наполеона Бонапарта

Новоявленный император выглядел чрезвычайно роскошно: в пурпурном бархатном одеянии, коротких штанах-буфах, белых чулках, вышитых драгоценными камнями.

Жозефина, напротив, была одета в скромное белое платье, но с шикарным кружевным воротником-стойкой. А в ее волосах сияли бриллианты невиданной величины, еще не так давно принадлежавшие королевскому дому Бурбонов.

В соборе архиепископ накинул на царственную чету пурпурные мантии, отделанные горностаем. Короновать новоявленного императора должен был прибывший из Рима сам папа Пий VII.

Это было против церковных правил – монархи ездили на коронацию к папскому Престолу. Но разве можно было отказать Бонапарту, войска которого стояли у стен Ватикана.

По протоколу церемонии папе следовало возложить монаршую корону на голову нового императора Франции.

Но утомленный долгой дорогой и потрясенный роскошью церемонии престарелый понтифик после Папского благословения не смог поднять дрожащими руками тяжелую корону, чтобы возложить ее на голову Бонапарта.

Бонапарт и сам понимал, что должен склонить голову перед папой.

Но, вокруг стояли его соратники, с которыми он защищал Революцию, его солдаты, с которыми он штурмовал монаршие троны, вокруг был народ Франции.

Звенела революционная Марсельеза и Наполеон мыслил себя хоть и императором, но революционным.

Гордость и мятежный дух не позволили ему склонить голову, перед каким-то там папой.

В конце концов, революционная Франция уже давно оплачивает из своей казны все расходы Ватикана.

Да и наконец-то исполнилось предсказание Ленорман о заветном седьмом троне.

Наполеон Бонапарт будет императором!

Нетерпеливый Бонапарт, вместо того, чтобы склонить голову перед Папой Римским, вырвал корону из его рук и сам возложил ее на себя.

Он забыл пророчество «черной» Марии о том, что ему следует быть терпеливым и склонить голову перед короной.

Он не хотел этого и поэтому не дождался коронации судьбы, выхватив у нее корону.

Он не смог удержаться и... короновал себя сам!

Время начало обратный отсчет!

Коронация Жозефины Богарне. Жак Луи Давид. Лувр, Париж

Началась эпоха империи Наполеона, которая закончилась ровно через 10 лет в марте 1814 года.

Рядом с императором всегда были два «оберега», в которые он свято верил: его жена Жозефина и сабля, врученная ему как талисман от имени французского народа.

Эти два «оберега» не только защищали его от превратностей судьбы, но и способствовали его политическим и военным победам.

Но не думал великий император, что может с ним произойти при утрате этих «оберегов».

Как императрица Жозефина, благодаря своей доброте, щедрости и такту, пользовалась во Франции большой популярностью, однако несколько лет спустя, когда неспособность Жозефины родить ребёнка больше не вызывала сомнений, Наполеоном было принято решение о разводе.

Император Бонапарт объявляет Жозефине о разводе.

Формальным поводом к расторжению брака послужило отсутствие приходского священника на церемонии венчания 1 декабря 1804 года.

Развод вступил в силу 16 декабря 1809 года, после чего император смог сочетаться браком с австрийской принцессой Марией-Луизой, которая в 1811 году родила ему желанного наследника.

Начало сбываться второе предсказание пророчицы, смысл которого Наполеон понял много лет спустя, когда всеми забытый, умирал в заточении на далеком острове Святой Елены. Последнее слово, которое прошептал он перед смертью, как говорили очевидцы, было... **«Жозефина...»**.

Жозефина, сохранившая по настоянию Наполеона титул императрицы, поселилась в оставленном ей по условиям развода Мальмезоне, где жила пышно, окружённая своим прежним двором.

По-прежнему привязанная к Наполеону, с которым они, расставшись, оставались в дружеских отношениях, она переписывалась с императором и с участием следила за его судьбой.

Больше император с гадалкой не встречался, но последнее предсказание ее все же получил через Жозефину Богарне.

В один из осенних вечеров 1810 года императору передали письмо Жозефины:

«Милый Друг! Пишу тебе с тайной мыслью напомнить о себе. В последнее время я все больше с теплотой и печалью вспоминаю о тебе.

Наверное, прошедшие годы, несмотря на то, что мы принесли друг другу немало сердечных мук, были не самыми худшими в нашей жизни.

Я всегда гордилась тобой, твоими делами и поступками и была счастлива, находясь рядом с тобой на вершине твоей славы.

И сейчас я молю бога о твоём величии и благополучии. Сегодня виделась с нашим добрым другом Марией Ленорман.

Так вот, она сказала мне, что конец твоего величия наступит, если ты начнешь войну со „страной варваров“.

*Будь осторожен и береги себя, мой Друг!
Любящая тебя Жозефина».*

Трагическое пророчество Ленорман взбесило Наполеона.

– Шарлатанка! Лжепророчица! Что она возомнила о себе? Что может решать судьбы мира? – кричал он, метаясь по кабинету.

Немного успокоившись, он вызвал маршала Бернадотта и поручил собрать доказательства лживости предсказательницы.

Маршал под видом богатого коммерсанта назначил гадалке встречу, но разговора не получилось.

– *Не нужно обманывать меня, Вы не коммерсант, вы один из высших военных чинов империи. Я не буду отвечать на ваши вопросы.*

Что касается вас лично, то вам суждено стать королем.

– *Во Франции уже есть император,* – усмехнулся Бернадотт.

– *Не во Франции. В другой стране,* – ответила гадалка.

Император приказал выслать Марию Ленорман из Франции. На родину она вернулась уже тогда, когда империя пала.

А через некоторое время на ее имя пришла из Стокгольма посылка: резная шкатулка, в которой было великолепное кольцо с аметистом. На карточке было написано: **«От короля Швеции Карла XIV Юхана»**.

Это был бывший маршал Франции Жан-Батист Бернадотт.

Последний талисман

Наполеон свято верил в охранную силу своего «талисмана». Он никогда не расставался с подаренной ему саблей.

Она была с ним на дипломатических встречах и торжественных церемониях.

Она была с ним, когда Бонапарт переходил Альпы во время второй итальянской кампании, в битве при Маренго, во время австрийской, прусской и польской кампании, под Аустерлицем, где Наполеон сказал свою знаменитую фразу:

«Войско баранов, возглавляемое львом, всегда одержит победу над войском львов, возглавляемых бараном», при заключении Тильзитского мира, по итогам которого Бонапарт был награжден высшей наградой Российской империи – Орденом святого **Андрея Первозванного...**

Только однажды он чуть не лишился своего талисмана. Это было в небольшой русской деревушке Городня – на берегу речки Городенки в сотне километрах от Москвы, откуда уходила французская армия.

Здесь, в небогатой избе ткача Кирсанова разместился штаб Наполеона в ночь с 12 на 13 октября 1812 года. Вместе с Наполеоном находилась его личная охрана – рота мамлюков под командованием капитана Франсуа Антуана Кирмана.

Ночью Наполеона разбудил взволнованный телохранитель мамлюк Рустам:

– Ваше величество! Русские казаки прорвали фланг. Сейчас они будут здесь!

Наполеону едва хватило времени, чтобы набросить шинель и вскочить на коня. Еще немного и он оказался бы в плену. Через час, когда Наполеон уже находился под прикрытием своих войск, он вдруг резко осадил коня.

– Моя сабля... – хрипло проговорил он: – она осталась там...

Начальник личной охраны всмотрелся в искаженное отчаянием лицо императора, резко повернул лошадь. Прозвучала короткая команда и мамлюки исчезли в снежной круговерти.

Уже под утро капитан Кирман вошел в комнату, где возле ярко горящей печи задумчиво сидел император.

– Ваша сабля, государь, – тихо сказал командир мамлюков.

Глаза Наполеона сверкнули влажным блеском.

– Спасибо, Франсуа! Я этого не забуду... полковник.

В глазах Наполеона снова засияла уверенность.

Еще минуту назад Наполеон вспоминал переданное ему Жозефиной предсказание Марии Ленорман и думал, не совершил ли он ошибку, отмахнувшись от предсказания гадалки. Да нет. Он чувствовал, что удача снова с ним: надо только отбросить полки Кутузова от Малоярославца, выйти на Калужскую дорогу, а дальше богатые южные районы России...

Император тяжело поднялся с неудобного стула, подошел к грубо сколоченному столу и положил руку на ножны сабли.

Но вместо тепла, которое излучала сабля раньше, он почувствовал только холод металла.

Все, талисман потерял свою силу! Ведь Наполеон не просто утратил его. Он его бросил, оставил врагу!

Предсказания «черной» Марии сбылись. Он потерял все.

Что ждет его дальше?

Кончилось тем, что Наполеон русскими штыками заживо вырыл себе могилу и остался после похода в Россию с опустошенной и разочарованной душой, с угасшим верованием в счастье и разрушенными победными грезами.

Казалось, что в течение шестнадцати лет стяжал он огромную славу только для того, чтобы растерять ее в борьбе с Александром.

После битвы под Малоярославцем у Наполеона не осталось никаких сомнений в том, что нужно уходить из этой страшной страны, чтобы сохранить свою честь, достоинство, власть.

Наполеон понимал, что все, происшедшее с ним, это не божественное провидение, это результат его собственных ошибок.

Блестящий полководец и стратег, гроза европейских монархий, с позором бежал из России. При этом, он не проиграл, формально, ни одного крупного сражения во время кампании 1812 года! Император ошибался. И эти ошибки стоили его армии победы, к которой он был очень близок вначале. Что же Бонапарт сделал не так?

Отступление Наполеона.

Еще до начала кампании, когда Наполеон принял решение идти на Москву, его маршалы в один голос отговаривали его.

Почему Бонапарт пошел на Москву, а не на российскую столицу – Петербург?

На этот вопрос он сам по сей день не может дать ответ.

В Петербурге находился царский двор, государственные учреждения, дворцы и поместья высших сановников. В случае приближения неприятельских войск, опасаясь за сохранность имущества, они могли оказать влияние на царя с тем, чтобы он заключил с французским императором мир на невыгодных для России условиях.

Да и просто удобней было идти к Петербургу из Польши, откуда начался французский военный поход.

Дорога с Запада к российской столице была широкой и добротной, не в пример московским.

К тому же по пути в Первопрестольную требовалось преодолеть дремучие брянские леса.

Видимо, он сделал это потому, что европейцы всегда считали подлинной столицей России, ее духовным центром именно древнюю Москву. И желанием Наполеона было нанести удар по России наиболее болезненно.

Похоже, у полководца Бонапарта амбиции преобладали над разумом. Известны его слова: *«Если я займу Киев, я возьму Россию за ноги. Если овладею Петербургом, возьму ее за голову. Но если я войду в Москву – поражу Россию в самое сердце».*

Наполеон совсем не собирался захватывать Россию. Ему нужно было только мощным ударом в пограничном сражении разгромить Русскую армию и принудить Александра к миру, чтобы поставить Россию в общий ряд сателлитов Французской империи.

У него даже была мысль позднее заключить с русским императором договор и совершить совместный поход в Индию.

Накануне русской кампании Наполеон заявлял Меттерниху (министру иностранных дел Австрийской империи): *«Торжество будет уделом более терпеливого. Я открою кампанию переходом через Неман. Закончу я её в Смоленске и Минске. Там я остановлюсь».*

Но в ночь с 23 на 24 июня 1812 года, когда Наполеон во главе первого батальона своей Старой гвардии по вновь наведенному мосту перешел на правый берег Немана, он понял, что что-то пошло не так.

Не было развернутой армии, преграждающей ему путь, не было вообще никого, ни единой души, только холмистая, с редкими перелесками земля до самого горизонта, да небольшие казачьи дозоры на дальних холмах, которые время от времени появлялись и снова исчезали.

Разведка доносила, что Великой армии Наполеона противостоят три русские армии, общей численностью, примерно 180 тысяч человек, перекрывающие дороги на север к Петербургу, в центральные губернии и на Киев. Расстояние между ними было около 120 километров.

– Значит, Александр трусил и отказался от сопротивления, – размышлял Наполеон. Это не входило в его планы. Отступление русских армий вглубь России застигло его врасплох, заставив в нерешительности задержаться в Вильно на 18 дней: таких колебаний император раньше никогда не допускал.

Он совсем забыл о «тактике скифов», описанной еще персидским царем Дарием, когда неприятель заманивался вглубь территории, отсекался от всех ресурсов, изматывался многочисленными короткими столкновениями, голодом и непогодой, затем окружался и уничтожался.

Да, Наполеон никогда и не применял эту тактику. За спиной его армии всегда был крепкий тыл стран, насильственно или добровольно присоединенных в качестве союзников, материальные и людские ресурсы.

Александр Первый не хотел войны. Он тут же направил к французскому императору личного посланника генерала Александра Балашова с письмом, в котором просил Наполеона объяснить мотивы **«этого нашествия среди полного мира»** и предлагал предотвратить войну, если французы возвратятся за Неман.

«Если Наполеон намерен вступить в переговоры, то они сейчас начаться могут с условием одним, но непреложным, то есть, чтобы армия его вышла за границу; в противном же случае государь дает ему слово, докуда хоть один вооруженный француз будет в России, не говорить и не принять ни одного слова о мире».

Бонапарт принял генерала 30 июня в захваченной Вильне.

Он отказался от мира. Но пригласил Балашова на обед вместе с бывшим своим послом в России Коленкуром.

Там Наполеон произнес исторический тост:

«Я пришел, чтобы раз и навсегда покончить с колоссом северных народов. Шпага вынута из ножен. Надо отбросить их в их льды, чтобы в течение 25 лет они не вмешивались в дела цивилизованной Европы».

Прошло то время, когда Екатерина делила Польшу. Заставляла дрожать слабохарактерного Людовика Пятнадцатого в Версале и в то же время устраивала так, что ее превозносили все парижские болтуны. После Эрфурта (город в Пруссии, где в 1808 г Александр I и Наполеон заключили формальный союзный договор), Александр слишком возгордился.

Приобретение Финляндии вскружило ему голову. Если и ему нужны победы, пусть он бьет персов, но пусть не вмешивается в дела Европы. Цивилизация отвергает этих обитателей севера. Европа должна устраиваться без них».

В конце разговора Наполеон иронично спросил Балашова о кратчайшей дороге до Москвы, на что Балашов ответил: «*Есть несколько дорог, государь. Одна из них ведёт через Полтаву*».

Раз русские армии отступали, у Наполеона не было другого выхода, как только догнать их, заставить объединиться и одним ударом разгромить обе.

До нападения на Россию на его счету было тридцать пять побед и всего три поражения. Эти невиданные успехи вместе с неумеренной лестью, как сторонников, так и врагов породили уверенность в собственной непобедимости, высокомерие, пренебрежение к противнику (чего в первые годы он не допускал, считая ведущей к поражению самоуверенностью) и гордыню.

Именно гордыня стала причиной одной из решающих его ошибок, которой мудро воспользовались оба русских главнокомандующих: в России он продолжал следовать стратегическим принципам, которые раньше неизменно приносили победы.

Но то, что было когда-то его нововведением, его открытием (разделение армии противника и уничтожение её по частям; окончательный разгром во время генерального сражения), стало вполне предсказуемым стандартом. Так что ни для Барклая, ни для Кутузова стратегия Наполеона тайной не была. И они сумели навязать ему свою стратегию: уклонялись от решающего сражения, заманивали всё дальше вглубь России, изматывали внезапными нападениями арьергарда. А он послушно шёл в ловушку...

1-я и 2-я Западные русские армии все же соединились под Смоленском. Произошло первое сражение с Великой армией Наполеона.

Собственно, сражением это назвать сложно: русские сожгли все ценное в городе, уничтожили все запасы и ушли, ограничившись арьергардными боями. Наполеону достались руины.

Наполеону оставались два варианта: или вернуться назад, во Францию, признав кампанию не состоявшейся.

Но тогда что же будет с его славой великого завоевателя?

Как поведут себя подвластные ему государства Европы? Как будут издеваться над ним его недоброжелатели?

Или догонять русских, чтобы все-таки разгромить их. Наполеон выбрал второе.

Гордыня опять взяла верх.

Он все-таки догнал русскую армию в непосредственной близости от Москвы. Правда, ему пришлось перенести некоторые лишения: если уже под Смоленском армия начала испытывать недостаток продовольствия и фуража, то здесь, под Москвой коммуникации были полностью разрушены. Впрочем, Наполеона это мало беспокоило: впереди была Москва – один из богатейших городов мира. До нее оставалось 125 километров.

Утром 6 сентября у села Бородино Наполеон увидел в подзорную трубу сомкнутые ряды русских войск. Первые лучи солнца играли многоцветием белых, голубых и зеленых мундиров.

Еще задумывая военную кампанию против России, Наполеон представлял себе русских как полудикие племена, в беспорядке расселившиеся по территории огромной северной страны.

Только сейчас он понял, что обманывал сам себя. Разве могут быть у полудиких племен такие гениальные полководцы, как Суворов, такие выдающиеся военачальники, как Кутузов.

Разве могут полудикие племена легко ломать сопротивление великолепно подготовленных и обученных полков Французской армии.

Сам Наполеон в сражении под Аустерлицем видел, как кавалергарды, которые, по сути, никогда не участвовали ни в одном сражении, являясь только почетной охраной русского императора, в своих расшитых золотом мундирах, с белыми крестами на груди и в блестящих кирасах, в одно мгновение смяли в кучу легкую кавалерию, которую Наполеон бросил во фланг русского войска. И все-таки Наполеон должен разгромить русскую армию.

Сражение начали французы, ударив из ста орудий по Шевардинскому редуту. Потом, под рокот барабанов, пошла в бой непобедимая Великая армия.

Французы стремились любыми путями смять русские полки, русские стремились любыми путями отстоять свои позиции.

Шевардинский редут несколько раз переходил из рук в руки, из последних сил держалась батарея Раевского, настоящей крепостью стали Багратионовы флеши.

В момент, когда Наполеон понял, что в сражении наступило равновесие, он решил бросить в бой последний резерв – свою Старую гвардию.

Но в это время во фланг и тыл французских войск ударили кавалеристы генерала Уварова и казаки атамана Платова. И Наполеон не стал рисковать своим последним резервом.

Затемно сражение прекратилось. Стороны отошли на свои старые позиции. Позже, вспоминая о Бородино, Наполеон говорил: – ***В этом сражении французы оказались достойны победы, а русские снова оказались непобежденными.***

На следующее утро разведка сообщила: русские позиции пусты. Армия ушла.

Опять ушла! Русские будто издевались над Наполеоном.

14 сентября Наполеон со своими войсками приблизился к Москве. Ему оставалось пройти последнюю возвышенность, прилегающую к Москве и господствующую над ней, это была Поклонная гора. Она называлась так издревле, потому, что каждый, входящий и покидающий Москву, должен был остановиться здесь, перекреститься и поклониться древней столице.

Французский император не спешил въезжать в Москву, он остановился на Поклонной горе и, вооружившись подзорной трубой, рассматривал Первопрестольную. Обилие золотых куполов города произвело на французов сильное впечатление.

Ни одна покоренная столица не поразила их своей красотой так, как Москва!

Стоя на Поклонной горе, Наполеон ждал ключи от Москвы, а также «хлеб-соль», по русскому обычаю. Однако, время шло, а ключей все не было. Офицеры, посланные им в Москву, возвратились ни с чем: *«Город совершенно пуст, ваше императорское величество!»*.

Осознание Наполеоном того факта, что он остался без ключей, что Москва не сдалась ему так, как он хотел бы и как это было в Вене и Берлине, когда власти европейских столиц преподносили ему ключи на «блюдечке с голубой каемочкой», вывело Бонапарта из себя.

Наполеон вошел в Москву, где его войска быстро исчерпали все запасы имевшегося там продовольствия. Это вынудило французские отряды, обеспечивавшие снабжение продовольствием, покрывать все большие расстояния с все большим сопровождением и с все возрастающим риском попасть в засаду.

Однако, настоящая опасность, грозящая императору и его армии гибелью, ждала его впереди. В то время как по Москве разносились звуки «Марсельезы» в воздухе уже пахло гарью.

Постепенно пожары начали возникать в разных частях города, и через несколько дней пылала уже вся Москва.

Пожар в Москве. Наполеона эвакуируют из Кремля в Петровский подъездной дворец.

Сначала загорелся Гостиный двор на Красной площади, напротив Кремля. Потом запылало на Солянке и Яузской улице, возле Воспитательного дома, загорелся Винно-Соляной двор, барки с сеном, стоявшие на Москве-реке. На следующий день занялось Замоскворечье. Днем загорелись Китай-город, Покровка и Немецкая слобода, Остоженка, Пречистенка, Арбат, хлебные и артиллерийские склады на Москве-реке, полыхнуло в Каретном ряду. По деревянному городу пожар распространялся стремительно.

Наблюдая за пожаром с Кремлевской стены, Наполеон топал ногами и кричал:

– Что это за народ! Они уничтожают свою столицу! Уничтожают ценности, которые сами создавали столетиями! Что это: священный героизм или дикая глупость? Скифы, вандалы, варвары!

Кремль, где находится император и его Гвардия, солдаты пытались защитить изо всех сил, но тщетно. Наполеона пришлось эвакуировать в Петровский подъездной дворец.

Только сейчас понял Наполеон, куда завела его «тактика скифов» Кутузова.

Было ясно: нужно немедленно уходить из этой проклятой и непонятной страны. Но как?

18 сентября Наполеон направил послание в Петербург, в котором отметил, что почитает Александра по-старому и желал бы заключить мир. Но Наполеон, по-прежнему, намерен был требовать отторжения Литвы, подтверждения блокады и военного союза с Францией. Ответа не последовало. Через два дня Наполеон написал Александру личное письмо, где отказался от всех требований.

На него он тоже не дождался ответа.

4 октября, доведенный до отчаяния французский император, направил своего личного посланника генерала Лористона к Кутузову в Тарутино для пропуска к Александру I с предложением мира:

«Мне нужен мир, он мне нужен абсолютно, во что бы то ни стало, спасите только честь».

Кутузов прочитал письмо, усмехнулся и сказал:

– *Война, батенька, только начинается.*

За время нахождения в обезлюдевшей и сожженной Первопрестольной Бонапарт потерял не только надежду на почетный мир, но не получил даже жалкого перемирия. Ему оставались только иллюзии.

«Мир во что бы то ни стало». Перед отправкой посланника Лористона к Кутузову. Худ. Верещагин

Наконец-то перед Наполеоном открылась простая, но жестокая истина:

Его армия достаточно большая, чтобы завоевать Россию, но она чересчур, огромная, чтобы обеспечить ее продовольствием и всем необходимым в условиях России. Из Москвы император Франции уходил со 100 тыс. солдат. Из них 20–30 тыс. человек составляли гвардию, на которую император мог полностью положиться. Остальное войско – это обманутые солдаты. Армия буквально на глазах теряла боеспособность и дисциплину. У Наполеона возникла новая мысль: сломить сопротивление русских и выйти на Калужскую дорогу в южные богатые губернии.

Там можно было бы привести в порядок армию, перезимовать, а весной... Он все еще продолжал верить, что успех будет на его стороне, но в душу все глубже и глубже проникала мысль, что фортуна отвернулась от него раз и навсегда.

Это показало первое же крупное сражение под Малоярославцем. Восемь раз город переходил из рук в руки, но дорога на Калугу так и осталась закрытой для французов.

Тогда же Наполеон, впервые за 15 лет своей победоносной карьеры, уклонился от решительного сражения, повернув на опустошенную войной, старую смоленскую дорогу – туда, куда к этому его активно понуждал неприятель.

Непобедимый император Франции почувствовал, что перед ним противник сильнее его по духу.

Но полководец не терял присутствия духа, внешне он был привычно хладнокровен и лишь сверх обычного задумчив.

Сначала он планировал сделать остановку и перегруппировку сил в Смоленске.

В Смоленск было немедленно отправлено распоряжение о подготовке продовольствия и фуража для размещения армии на зимних квартирах, но выполнить это в разрушенном городе ему не удалось – провиантмейстеры и фуражиры не смогли обеспечить изголодавшуюся армию продовольствием.

Взбешённый до крайности Наполеон приказал расстрелять интенданта армии Сиоффа, который столкнулся с сопротивлением крестьян и не сумел организовать сбор продовольствия.

Но это не спасло положения. Оставалась одна дорога – на запад.

К Березине потянулись бесконечные колонны войск. Собственно, это были уже не войска, это были толпы изголодавшихся, изможденных и оборванных людей, которые шли, ползли к границе с единственной мыслью любыми путями добраться домой.

Форсирование Березины Наполеон задумал около города Борисов, занятого русскими войсками адмирала Чичагова, который, не ожидая такого маневра Наполеона, дал вытеснить себя из Борисова, и потянулся вниз по Березине, оставив без внимания имеющиеся броды.

26 ноября четыреста понтонёров того самого генерала **Эбле**, что строил мосты через Неман, по которым армия Наполеона вступила в Россию, работая по плечи в ледяной воде, построили два моста через реку Березину. По ним остатки Великой армии должны были покинуть страну, которую безуспешно пытались покорить.

Два дня переправлялись беспрепятственно. На третий, когда через мосты переходил корпус маршала Клода Виктора – последняя часть армии, ещё сохранявшая боеспособность, – к переправе подошли войска генерала Витгенштейна. Началось побоище.

При Бородино был поединок равных. Здесь – истребление беспомощных. Понятно, они пришли незваными на русскую землю. Но все же...

29 ноября Наполеон приказал взорвать мосты. Большая часть армии осталась на вражеском берегу под ударами неприятеля.

Но эти израненные, измученные, опухшие от голода, морально опустошенные люди, полностью потерявшие боевой дух уже были не нужны Бонапарту. Они были обречены на гибель.

В это время Кутузов, к великому удивлению французского императора, остановил наступление преследовавшей его армии.

Своё решение дать войскам передышку генерал-фельдмаршал обосновал тем, что, во-первых, армии, которая понесла огромные потери, нужно восстановить силы, во-вторых, цель войны – изгнание врага из России – достигнута.

Он был категорически против продолжения войны, не без оснований полагая, что нет резона русским людям умирать за интересы немцев и австрийцев, а уж за английские интересы и тем более.

Но, скорее всего, старый военачальник помнил слезную мольбу Наполеона... **«спасите только честь...»**.

Поэтому Кутузов обеспечил Наполеону «золотой мост» из России, позволив спастись, но... без армии.

Последним пунктом, где Наполеон планировал остановить бегство Великой армии, был Вильно.

Здесь был мощный гарнизон генерала **ван Хогендорпа**, который вместе с приданными войсками, насчитывал 23 тысячи человек, внушительные запасы продовольствия, обмундирования и фуража. Вместе с прибывшими туда боеспособными частями, оставшимися от французской армии, Вильно мог отразить наступление потрепанных и измученных русских войск и, разместив армию на зимних квартирах, дожидаться прибытия резерва из Франции.

Одновременно Наполеон решил оставить армию и вернуться в Париж. Но для этого нужен был повод и он нашелся.

Из Франции прибыло сообщение о том, что в Париже была предпринята попытка свергнуть отсутствующего императора.

Во главе группы заговорщиков стоял старинный личный и политический враг Наполеона генерал **Клод Франсуа Мале**. Он ещё в 1808 году пытался совершить республиканский переворот, был арестован и, без малого, пять лет не выходил из тюрьмы. Наконец ему удалось бежать.

За одну ночь, проведённую на свободе, Мале и его единомышленники, распространив слух, что Наполеон мёртв, овладели военным министерством, ранили министра, захватили министра полиции и привлекли на свою сторону группу солдат национальной гвардии. Но уже на следующее утро заговорщики были схвачены и расстреляны под крики толпы: *«Да здравствует император!»*.

Наполеон пожелал лично разобраться в случившемся.

24 Ноября он призвал Мюрата, Бертье и начальников уже не существовавших корпусов: Евгения Богарне, Даву, Нея, Мортье, Лefевра и Бессьера – и объявил им об отъезде своем в Париж, объяснив, что его присутствие во Франции необходимо для удержания в повиновении Западной Европы и образования новой армии. Руководство остатками армии и обороной Вильно он поручил Мюрату.

С тяжелым сердцем провожали военачальники Наполеона.

Они следили за удаляющимися в снежной пыли санями и каждый из них думал, что их предводитель уже никогда больше не вернется в Россию.

Мюрат бежал через два дня к себе в Неаполь, бросив войска и Вильно под ноги наступающей русской армии.

Катастрофа, происшедшая в России потрясла не только Францию, но и все государства Европы. Никто не мог понять, почему фортуна отвернулась от непобедимого французского императора.

Знал об этом только сам Наполеон Бонапарт.

Крушение империи

Наполеон Бонапарт после отречения во дворце Фонтенбло. Французский живописец Поль Деларош

Неприметная почтовая карета остановилась на берегу реки у причала. В подорожной значились французский дипломат Коленкур со своим секретарем господином де Рейневалем, граф Дюрок, граф Любо и польский офицер Вонсович.

Под именем секретаря был император Франции Наполеон Бонапарт.

Неман еще не сковало льдом и по темной воде плыли редкие грязные льдины.

Пока карету втаскивали на паром, Наполеон спросил у перевозчика – скольких дезертиров Великой Армии он успел уже перевезти с русского берега?

– *Никого*, – бесхитростно ответил ему перевозчик. – *Вы первый*. – *Ну, да*, – пробормотал Наполеон, – *еще не успели...*

После того, как путники снова заняли свои места в карете, Наполеон вдруг обратился к Коленкуру: – Как, на ваш взгляд, поведет себя Пруссия, узнав об окончательных итогах Русской кампании?

– *Пруссаки могли бы нас арестовать. Если бы, конечно, посмели.*

...Если нас арестуют, – с живостью сказал император, – *то нас сделают военнопленными, как Франциска I. Пруссия заставит вернуть ей ее миллионы и потребует вдобавок еще новые миллионы. Если бы они отважились на эту попытку, то мы не отделались бы так дешево, государь!*

Думаю, что вы правы.

Они слишком боятся меня; они захотят держать меня в заточении!

– *Это весьма вероятно.*

– *А боясь моего бегства или грозных репрессалий со стороны Франции с целью меня освободить, пруссаки выдали бы меня англичанам.*

– *Возможно!*

– *Вы только представьте себе, Коленкур, какая бы физиономия была у вас в железной клетке на площади в Лондоне!*

– *Если бы я тем самым разделял вашу участь, государь, то я бы не жаловался!*

Наполеон весело рассмеялся и на удивленный взгляд Коленкура ответил: – *Простите, я просто представил вас в клетке на площади Лондона.*

В маленькой деревушке Сморгонь Наполеон пересел в крытый возок и, оставив своих спутников, с одним только Коленкуром спешно помчался в Париж, стараясь как можно скорее миновать прусские владения. По дороге Наполеон высказал Коленкуру загадочную мысль; говоря о своей неудаче в России, он сказал, что «*...от великого до смешного только один шаг...*».

Что смешного он усмотрел в разгроме и гибели Великой Армии, Коленкур не понял, но уяснил, что оставаться в «*...смешном положении побежденного...*» Наполеон не желал.

Впрочем, император сам пояснил свою мысль, сказав, что во Франции можно делать многое, но ни в коем случае нельзя казаться смешным.

Вести о разгроме дошли до Парижа 16 декабря 1812 года – «Монитор» опубликовал страшный, так называемый «29-й бюллетень», и какая-то часть правды приоткрылась для широкой публики.

Наполеон появился в своей столице 18 декабря, ранним утром – на все путешествие у него ушло только 12 дней, что было бы прекрасным результатом даже для курьеров.

Он был совершенно спокоен. Никаких признаков неповиновения не обнаруживалось. Досадная история с генералом Мале оказалась просто мелким эпизодом.

После поражения в России и возвращения в Париж Наполеон развил бурную деятельность по созданию новой армии.

Надо сказать, что это была его особенность – во время кризисной ситуации в Наполеоне просыпалась огромная энергия и работоспособность. В своих письмах, направленных к союзникам – монархам Рейнского союза, он сообщал, что не следует верить русским сообщениям; конечно, Великая армия понесла потери, но остаётся могучей силой в 200 тыс. бойцов.

Кроме того, империя имеет ещё 300 тыс. солдат в Испании.

Всё же он попросил союзников принять меры к увеличению своих войск.

В реальности, в январе Наполеон уже знал, что Великой армии больше нет. Начальник штаба маршал Бертье сообщил ему коротко и ясно:

«Армии большие не существует».

Из полумиллиона человек, полгода назад маршем перешедших Неман, вернулись немногие. Однако Наполеон смог буквально за несколько недель сформировать новую армию: к началу 1813 года он собрал под свои знамена 500 тыс. бойцов.

Правда, Франция обезлюдела, брали уже не только мужчин, но и юношей.

15 апреля французский император выехал в распоряжение войск.

Весной 1813 года была ещё возможность заключить мир. Австрийский дипломат Меттерних настойчиво предлагал своё посредничество в достижении мира. И мир, в принципе, был возможен. Петербург, Вена и Берлин были готовы к переговорам. Меттерних предложил ему условия, которые он посчитал унижительными.

Наполеон должен был вернуть Австрии то, что она потеряла по Шенбруннскому миру 1809-го года уступить Великое Герцогство Варшавское русскому царю и распустить Рейнский Союз.

Последнее условие было, возможно, наиболее тяжелым – Франция лишалась своих германских союзников, вроде Саксонии и Баварии, которые силою вещей переходили в стан противника.

Однако, Наполеон совершил ещё одну роковую ошибку – он не захотел идти на уступки. По-прежнему, уверенный в своём таланте и мощи французской армии, император был убежден в победе.

Наполеон надеялся на блистательный реванш уже на полях Центральной Европы. Он ещё не понял, что поражение в России – это конец его мечте об общеевропейской империи.

13 января 1813 года прусскую границу перешли русские войска. Александр Первый отдал приказ по армии, в котором говорилось следующее: *«...Идем положить конец нестерпимому кичению; станем за веру против безверия, за свободу против властолюбия, за человечество против зверства...»* Главнокомандующий Кутузов продолжения войны не хотел, а хотел только спровадить Наполеона из России, предоставив Европе самой решать свои проблемы с Империей.

Может быть, именно поэтому он так легко выпустил Наполеона из России. И на его стороне были очень многие люди из числа российского дворянства. Царь же опасался, что Наполеон, оправившись после страшного краха, сможет нанести по России второй, более продуманный удар.

Свои резервы были у обеих сторон, но была и простая правда реальности: из 197 тысяч человек, которые были в Русской армии к началу военных действий, осталось только 47 тысяч.

Причины потерь были те же, что и у французов: голод, холод, расстояния...

В общем, в пределы Пруссии в январе вступало очень немногочисленное русское войско, но царь Александр Первый рассчитывал на очень скорое создание коалиции европейских государств, которая сможет раз навсегда покончить с Наполеоном.

Начало коалиции союзных держав было неожиданно положено командующим прусским корпусом генерал-лейтенантом Йорком, который без ведома своего короля заключил сепаратное перемирие с русским генералом Дибичем и отвел свои войска, открыв русским путь для преследования, отступающего к Неману корпуса маршала Макдональда.

Прусский король в гневе приказал отстранить Йорка от командования и отдать под суд военного трибунала, а потом, поостыв, понял, что настало время самому последовать примеру своего генерала.

8 февраля 1813 года русские мирно заняли Варшаву. Австрийские войска ушли к югу на Краков, прекратив, таким образом, участие в боевых действиях на стороне Наполеона. С ними ушло до 15 тыс. поляков из корпуса Понятовского.

Саксонский корпус Ренье отступил на запад к **Калишу**. Герцогство Варшавское было выбито из числа союзных Наполеону государств.

28 февраля в Калише был подписан союзный русско-прусский договор, а 27 марта 1813 прусский король объявил войну Франции. К этому времени вся территория Пруссии вплоть до Эльбы была освобождена от французских войск. За Эльбой и к югу от нее начинались земли германских княжеств Рейнского союза, сохранявших верность Наполеону.

Объединенная русско-пруская армия двинулась из польского Калиша в Саксонию, захватив 27 марта Дрезден. 3 апреля авангард союзников вошел в Лейпциг. Передовой отряд из корпуса Витгенштейна вошел 4 марта в Берлин, оставленный накануне французским гарнизоном.

11 марта в освобожденную столицу Пруссии с триумфом вступили основные силы Витгенштейна.

15 апреля 1813 года Наполеон выехал из Парижа к вновь сформированной армии (ок. 130 тыс.) в Майнц на границе Франции.

В конце апреля он двинулся в Саксонию к Лейпцигу, откуда, соединившись с войсками Богарне, он намеревался отбросить русские войска и привести в покорность восставшую Пруссию. Всего Наполеон располагал в Германии до 180 тыс. солдат против 69 тыс. русских и 54 тыс. прусских солдат, если не учитывать французские гарнизоны крепостей на Одере и Висле и осаждающие их силы.

28 апреля 1813 года в тихом городке Бунцлау умер фельдмаршал, светлейший князь Михаил Илларионович Кутузов.

С царем он не примирился даже и перед смертью: очевидцы утверждали, что царь Александр Первый, прощаясь с фельдмаршалом, по обычаю сказал ему: *«Прости, Михайло Илларионович...»*, на что Кутузов ответил: *«Я-то прощу – но простит ли Россия?»*

1 мая 1813 года у Лютцена произошло столкновение между французской армией и войсками союзников, неожиданное для обеих сторон.

Почему разведка прусского командующего Блюхера приняла расположившиеся на привал части корпуса маршала Нея за горсть отбившихся от главной армии солдат, объяснить так никто, потом и не смог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.